

Шмелев И. В.

История села Мотовилово

Дневник
Тетрадь 7

16+

Иван Шмелев

**История села Мотовилово.
Тетрадь 7 (1925 г.)**

«ЛитРес: Самиздат»

1971

Шмелев И. В.

История села Мотовилово. Тетрадь 7 (1925 г.) / И. В. Шмелев —
«ЛитРес: Самиздат», 1971

Более 50 лет Шмелев Иван Васильевич писал роман о истории родного села. Иван Васильевич начинает свое повествование с 20-х годов двадцатого века и подробнейшим образом описывает достопримечательности родного села, деревенский крестьянский быт, соседей и родственников, события и природу родного края. Роман поражает простотой изложения, безграничной любовью к своей родине и врождённым чувством достоинства русского крестьянина.

Содержание

Сев поздних яровых. Тучка. Галиф. Ночка	6
Ловля рыбы в Серёже. Семик и Анка	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Часть вторая

Тетрадь № 7 (1925 г.)

Сев поздних яровых. Тучка. Галиаф. Ночка

После некоторого перерыва, мужики снова выехали в поле, пахать и сеять поздние яровые хлеба: гречуху, просо и лён. Будя Ваньку, Василий Ефимович ворчал: «Ты скорее вставай, и попроворней прохлаждайся! Пойди, умойся в лошадиной колоде и сон, как рукой снимет!»

«До Баусихи-то не ближний свет. Пока туда едешь, солнышко-то высоко поднимется и вовсе в картуз упрётся...», – продолжал он наговаривать неизвестно кому, запрягая «серого» в телегу.

Запрягал свою лошадь и сосед Иван Федотов:

– Ну и хахали дети пошли! Бужу, бужу Саньку, а он только мычит впросонках, да глубже в постель зарывается! – делился разговором он с Василием, задорно улыбаясь и трясая своей козьей бородкой

– Нынче, так! – отозвался Василий. Садясь в телегу, на которой уже сидел дремавший Ванька. А Иван тем временем еще приложился к заснувшему Саньке и пообещав ему за непослушание:

– Вот я тебе уже задам! И обратился к Дарье. Он наказывал ей:

– Ты, испеки-ка нам, в поле яиц.

– Вот, еще чего выдумал! Што у нас за яйца? Рази ты снёсся!? Ты рази не знаш, что у нас всего-навсего три курицы и кочет!? Откуда яйца-то возьмутся. А семья-то вон какая, – злобно спустила на Ивана Дарья.

– Вон, чего положила я вам в кошель, того и хватит.

– Ну ведь до Баусихи-то не ближний свет, туда потопаешь, да день-деньской походи-ка за плугом! – хотел урезонить жену Иван.

– Ну уж свинины у нас нету. Не от ляжки же я своей отрежу.

Меж тем, в огороде Крестьяниковых заблеяла коза. Перед запряжкой лошади, чтоб тоже ехать в поле, вышел Федор в огород, а там чужая коза яблоню гложет. Долго гонялся Фёдор за вражьей скотинкой, а всё же поймал и повесил козу за рога на тын. Коза от боли заорала. Федор, сняв её с тына, напинал ей лаптем по боку. Коза с испугу перемахнула через плетень, убежала без оглядки.

Федотов, с Крестьяниновым, догнали Савельевых по выезде из села. Василий лошадь сильно не понукал, видя Серый, слегка прихрамывает на переднюю ногу. «Видно опять немножко опоил!», – с досадой размышлял сам с собой Василий.

К выезду в поле готовился и Семион Селиванов, он не торопливо запрягая свою пегую кобылу Февронью, невольно вспомнил о сивом мерине, которого он когда-то держал, и был добрый конь, но из-за масти оказался «не ко двору», навязалась на лошадь ласка, не возлюбила, принялась каждую ночь щекотать животину, замучила до невозможности. Пришлось Семиону мерина продать, а взамен приобрести пегую кобылу.

Пока Семион запрягал лошадь и размышлял о прошлом, на тропинке под окном его избы, поджидая хозяина тлела зажжённая Семионом, перед выездом в поле, мочальная верёвка, почти постоянная спутница его поездок в поле, или в лес. Из-за экономии спичек и не всегда удачливом высекании искры из кремния на трут. Курил-то он всегда трубку из-за того, что бумаги-то не напасёшься. Хотя, когда-то в молодости, с первых годов женитьбы своей Семион курил махорку в бумажных самокрутках, искусно свёртываемых как-то по-особенному фигуристо, так, что когда молодая Марфа, носила обед в поле, легко находила своего Смушку по окуркам, обильно бросаемым на придорожье.

Пока Семион хлопотал с запряжкой, время незадерживаясь, катилось вперед. С западной стороны из-за Кочеврягиной ветлы слегка стало замлаживать и Семион заметил зарождающе-

еся дождевое облако. Марфа, заметив это облако, открыв окно, высунулась в него предупреждающе известила старика:

– Семион, стоит ли ехать в поле-то?

– А что? – отозвался Семион.

– Вон, из-за шабровой-то ветёлки тучка занывает и ворона каркает! Как бы, тебе в поле-то бока не намыло. Я боюсь!

Эти слова Марфы поставили Семиона в раздумье. Но видя, что на дороге, направляясь в поле на пашню едет Трынков, он подумал: «Раз, Иван не боясь дождя едет в поле, а мне что?». И Семион, бросив соху горящую верёвку на телегу, тронулся за Иваном следом.

Застоявшуюся и нерасторопную на ходу лошадь, он взбодрил кнутом, да и потом кнут не сходил с лошадиной спины, полосуюя в разных направлениях кожу пеганки, а когда Семион догнал в дороге Трынкова, лошадь его упёршись мордой в Иванову телегу, предупредительно оглянувшись на хозяина и, кося своими глазами-бельмами назад, как-бы укоризненно, молча говорила: «Не гони меня кнутом, а гони овсом!». Семион хлыстать Февронью перестал, его кнут, только для вида, вхолостую, гулял над лошадиной спиной, выводя в воздухе неуловимые восьмёрки и завитушки. По выезде из села Иван спрыгнув со своей телеги, пересел к Семиону, чтоб в дороге от нечего делать, поговорить о том о сём и о хозяйстве. Прежде всего, Иван заметил Семиону:

– У тебя, Семион Трофимович, телега, какая-то допотопная!

Семион сплюнув далеко в сторону, нехотя ответил:

– Хватит мне и этой, мне на ней не на ярмарку по городам ездить!

– Это верно, а новую телегу смастерить – это не то, что лапоть сплести, согласился Иван и добавил:

– Да и то сказать, чтобы научиться плетению лаптей, не даром говорят, нужно первый, неуклюжий лапоть, сварить и самому его съесть. Только тогда будешь мастером лапотного дела! – довольно, улыбаясь, изрек Иван, наблюдая, как жеребая кобыла Семиона, отставая от его телеги, вяло и натужно тащит телегу по дороге, которая в этом месте, пошла несколько наизволок.

– Ты хлыстом лошадь-то! Не жалея кнута-то. Видишь она совсем изленилась! – дружелюбно посоветовал Иван Семиону.

Семион, кнутом взбодрил, прислушивающуюся к людскому разговору, свою Февронью. Она пошла ходче, у неё весело заиграли высунувшиеся острые молоки, из стороны в сторону, завилял хребчатый круп, досадливо захлестал вонючий хвост. Иванова телега, снова была догнана. Февронья сбавив ход, зашагала реже. Семион закурил трубку, прикурив от тлевшей верёвки.

– Ты, видать, заядлый табашник?! – по-дружески заметил Иван.

– Табашник не калашник, а без табаку хуже, чем без хлеба, – защищая табакокурение, кратко отозвался Семион.

– Ты, чай, много денег на табаке-то прокуливаешь? – не унимаясь, полюбопытствовал Иван, – я всё гляжу у тебя, Семион Трофимыч, избёнка-то давно перестроится просится, и окошками-то давно завистливо на лес приглядывается! – деловито и с намёками, высказался Иван.

– Как-нибудь еще годик прозимуем и в этой без перестройки, – с некоторым раздражением отшутился Семион, – Вон ты и не куришь, а денег всё равно на каменный дом не накопил, – с некоторой подковыркой заметил он Ивану.

– А зачем, мне каменный, у меня и этот ещё не плох, а всё равно, думаю перестроится, и дом поставить на каменном фундаменте. И между прочим, я сомневаюсь, что ты куришь только

из-за того, что боишься накопить денег хотя бы на деревянный дом, – уже с явной насмешкой заметил Иван, не в шутку рассердившемуся, Семиону!

Во избежание, дальнейшего разлада Ивану пришлось, спрыгнуть с телеги Семиона и пересесть на свою. Передёргивая верёвочными вожжами, и смачно чмокая губами, Семион, правя лошадей, подумал про себя, о Иване: «Мешок с телеги – кобыле легче!»

До обеда, мужики пахали, каждый свой загоны, обособленно и молча, не обращая друг на друга внимания и не вступая в разговоры. После обеда, несколько, отдохнув, приступили к севу. Иван Федотов, рассеяв просо, и заставив Саньку боронить, а сам подался, к пашущему Ивану Трынкову.

– Бог – помощь! – поприветствовал Иван Ивана.

– Бог спасёт! – отозвался Трынков.

Федотов, пристально вглядываясь, в не совсем ровную пашню своего тёзки, наблюдая как лоснящиеся на солнце оковалки земли, вздыбленные отполированным отвалом плуга ложатся на бок, заметил Трынкову:

– У тебя, Иван Васильевич пашня-то выходит что-то неровная, навиллял какими-то вавилонянами. Ты набороздил, а не вспахал!

– Не я виноват, а лошадь! – наивно отозвался Иван.

И правда его лошадь надсадью, напрягала всю свою силу, тягостно всхрапывая, от натуги едва тащила по борозде, наскучливо скрипя упряжью.

– А ты огрей её кнутом хорошенько, ввали ей как следует, свеженького «овсеца», она и очухается. Резвее пойдёт! – смеясь, посоветовал Федотов. – Для ленивой лошади кнута не жалей! – добавил он. – У тебя, больно валёк-то короток, постромки узко. Видишь у лошади-то, бока постромками атирает. Вон уже чуть не до крови натёрло. Ты исправь этот недогляд, – доброжелательно порекомендовал Федотов Трынкову.

– Приеду домой, исправлю!

– Да у тебя, в этом загоне, сколько земли-то намерено? – вглядываясь в обширную Палестину, прижавшуюся к самому долу Шишкола, и заросшую полынью и бурьяном, с любопытством спросил Федотов.

– На глаз-то с полдесятины будет, а на факте-то побольше: без четверти девятка! – горделиво ответил Трынков. – Я тут не при чём, так землемер намерял, – с удовольствием добавил он.

– Эх, кабы, на эту Палестину, навозу навозить, вот бы, сколько можно было бы добра с неё снять! – с завистью высказался Федотов.

– Да, как говорится: «Клади навоз густо – не будет пусто!», – согласился Иван

– С земли бери добро, а отдавай ей говно! – добавил Федотов.

– Эх у меня, вон там, на загоне, в «Реплей», овёс пречудный взошёл! – похвалился Федотов Трынкову.

– А я восей последний загон из-за недостатка хорошего овса, посеял невеяным овсом! Не знай, что и получится? – известил Трынков Федотова.

– Что-нибудь, да взойдёт! – притуплённым взором вглядываясь в заовражье, где виднелась, поросшая полынью и дикой рябинкой, залежалая земля, с сожалением отозвался Федотов.

– А тут, чего ты хочешь посеять-то? – поинтересовался Федотов,

– Хочу, дикушей, весь этот клин засеять. Как по-твоему дело будет, ай нет? Я думаю, озолочусь от урожая, – мечтательно высказался Трынков

– Пожалуй, так и делай! – посоветовал Федотов.

В поле, на севе поздних яровых культур, находился и Николай Ершов. Посеяв загон просом он, запрягши своего Голиафа, в телегу поехал на другой загон. Сегодня утром, Николай встал рано, с утра на пашне и бороньбе, сильно умутился и пока переезжал на другой загон

его так уморило и припекло солнышко, что он незаметно для себя уснул в телеге, расслабив вожжи. Повстречался с Николаем, тоже едя по этой же дороге, Митька Кочеврягин, приостановив свою лошадь, остановил и лошадь Николая.

Видя, что Николай спит крепким богатырским сном, Митька распряг Николаеву лошадь и с озорским намерением, перепряг её в оглобли, головой к телеге и уехал. Проснувшись, Николай долго не мог понять, как это лошадь могла в оглоблях вывернуться, а увидавшие это пахавшие, поблизости, мужики, смеялись до надрыва пупка.

Сконфуженный людской насмешкой, Николай быстренько устранил неполадок и яростно хлыстнув Голиафа кнутом, ошеломлённо поскакал к своему загону, который концом упирался в суходол, поросший кустарником и клёнами (Ореховы штаны).

Николай, до обеда вспахал еще один загон и, решив пообедать лошадь пустил на сочную траву. Когда же Николай заглянул в кошель с провиантом, оказалось, кошель основательно потрошён воронами. Поэтому-то, Николай с этого дня не стал брать с собой в поле обедку, а стал ездить на обед в село, чтоб пообедать дома.

Выпрягши великана Голиаф из плуга, и чтоб сесть на лошадь верхом, он из-за малого своего роста к лошадиному боку приставлял борону и по ней взбирался лошади на спину. Однажды, подставленная борона упала, и он никак не мог вскарабкаться на своего великана. Случайно, проезжавший мимо его Степана Тарасова он попросил:

– Не в службу, а в дружбу, помоги мне, пожалуйста, верхом на Голиафа взобраться – хочу домой пообедать съездить!

– Ты Николай Сергеевич привези из села-то табаку. Я весь искурил, а до вечера-то еще долго, – попросил Ершова Семион.

– Ладно, привезу! Не забуду захвачу! – пообещал Николай.

– На, вон, испей кваску: не хочешь ли? – предложил Семиону Василий Савельев вместо табаку.

– Нет, спасибо. Я и так вспотел, весь как искупанный – рубаха к телу прилипает как листок от веника в бане, – отказался Семион от кваса.

После двух ночёвок в поле, трёх дней пашни и сева там, мужики возвращались в село. Посев поздних яровых, был закончен. Возвратились и Савельевы: отец с Ванькой. Около двора, их встретил тревожным известием Васька: «А у нас чуть не загорелось!» «Как?! Где?» – встревожено, переспросил отец. «Мама, золу из печки вывалила у забора, а там мочальная швабра была, вспыхнула, ладно я увидел, затушили», – сбивчиво объяснил Васька. «От часу не легче» – про себя подумал Василий, – «пока в поле пашешь, дома пожар может произойти, приедешь к одним горельшам!»

От перепуга, занемогла Любовь Михайловна, а к вечеру Василий Ефимовича, она послала за повитухой Татьяной. Придя от повитухи, когда уже почти совсем стемнело, и над селом расплзлась полутьма июньского вечера, Василий Ефимович, как бы в шутку восторженно известил свою семью, сидевшую и доужинающую за столом: «Вот вечерок-то выдался; на улице таинственная тишина, ничего нигде не шанет, никто нигде, не шеберкнет!»

Даже собаки и те приумолкли. Не твякнут, словно дали зарок на безмолвие, а деревья застыли, в каком-то блаженном, спокойствии, ни малейшего дуновения ветерка!

С Улицы, послышался условный вызывной посвист. Это товарищи: Михаила и Саньку высвистывали на улицу, на ночное гулянье. Недоужинав, старшие Минька и Санька повскакали с мест, пиджаки, набросив на плечи внакидку, кепки набросив на головы набекрень, во рту недоеденный пирог с картофельной начинкой, торопливо выскользнули на улицу.

– Куда вас понесёт на ночь глядя-то! – попробовал остановить Василий сыновей.

– Да пусть идут! – болезненно простонала Любовь Михайловна, слёгшая в постель.

В эту ночь, в семье Савельевых родился еще парень: его, в честь умершего брата Любви Михайловны горбатенького, дяди Молодцова Никифора, назвали тоже Никифором. Семья Василия Савельева увеличилась еще на одного человека. В семье стало десять едоков, но это не было обузой для прилежного к хозяйству, задорно работающего Василия, непреложным правилом, которого являются: трудолюбие, прилежность, бережливость и нововведения в своём хозяйстве. Всё в хозяйстве его сочеталось и гармонировало, а экономика подымалась из года в год. Его золотое правило: продукт, добытый трудом не должен пропасть даром, вещь, купленная за деньги должна служить в хозяйстве до полного её износа. Не отказывая себе и семье ни в чём, он старался жить в достоинстве. Правило рационального ведения хозяйства он соблюдал сам и требовал неукоснительного выполнения этого, от своей семьи.

Ловля рыбы в Серёже. Семик и Анка

Поле выпроводив пахаря, отдыхало. Какое-то короткое время, после окончания весеннего сева, в поле редко, когда увидишь человека, или лошадь, запряжённую в телегу или в плуг. В это время, земля, набухшая живительной влагой и приняв в себя посеянное крестьянином семя выжидающе молчит. Только весенний тепло-ласковый ветерок, гонит по пригоркам волнистое текучее марево. А семя-зерно, упрятанное сеятелем, в тёмные укром влажной почвы, наклюнувшись начинает неудержимо произрастать. Изогнувшись дугой, беловатый росток настойчиво и упорно начинает напирать на земельные комышки, пробивая себе путь к свету. Зазеленив всходами загоны, засеянные пораньше, колоритно отличаются от тех, которые посеяны с опозданием. По этим-то зеленеющим и чернеющим загонам можно легко определить, чьи это загоны. Вот ощетинившиеся зелёной щеткой дружных всходов, это загоны заботливых мужиков, Савельева, Федотова и Крестьянинова, а вот едва покраснеющие от только, что появившихся из земли росточков, это загон Ивана Трынкова и прочих с ним. Придёт обильный урожай месяц август, из всходов, к тому времени, получатся высокие стебли растений с поспевающими кистями проса, или метёлками овса, или стручкатыми, горохом и викой. Тогда придёт мужик снова в поле, только уж не с плугом и бороной, а с косой в руках и покосит, то, что он посеял тут весной. А пока, когда всходят яровые хлеба и колосятся посеянная с осени рожь, и пора подъёма ещё не подоспела, крестьянин-мужик позволяет себе несколько дней отдыха. В это время молодые парни-женихи женятся, а девки-невесты, выходят замуж. В селе справляются весёлые свадьбы.

Со двора Федотовых, на улице слышался шум и ругань, это Дарья с возмущением и руганью обрушилась на своего сына Сергуньку: «Кто-то, яйца из куриного гнезда похищает, не устеречь никак, а теперь доглядела! А эт Сергунька. Меня, так и взорвало! Вот умник нашёлся! Ну, я ему задам взбучку, чтоб не повадно было, а то, распочухал! Эт и дурак знает, что яйца-то не картошка!» – крикливо, поучала она правонарушителя в семье. «Вот какой сластник нашёлся! Ах, ты балахрыст! Вот оттащить за волосы и будешь знать! Ты сожрёшь яйчки-то, а семья как хочешь! Я тебе задам!», – злобно кричала она на Сергуньку. «Хошь и яицы ешь, а всё равно костлявый, как кощей бессмертный».

Сергунька, в детстве частенько прихварывал, мать его лечила разными травами, а он плохо выздоравливал, худел и рос каким-то хилым. Играя с товарищами, на улице, ребята, часто говаривали ему: «Что ты Сергунька, какой плохой!? – Да не плоши тебя!» – наивно оправдывался Сергунька. Мать, иногда Сергуньку била как сидорову козу, вот и сегодня, ему попала от матери как бедному Макару, за то, что он позволил себе украдкой полакомится яйцами украв их из гнезда.

Сергунька не выдержав неотвязчивой ругани матери и поглаживая бока, встрёпанно выбежал на улицу. На его голове был нахлобучен на глаза, великоватый, старинный, с пружинкой и с ломаным козырьком, отцов картуз. На самом взлобье картуза виднелся невыцветившийся след от кокарды.

– А где у вас Санька-то? – растерянно, спросил Сергунька у шабра Василия Ефимовича.

– Они с нашими Минькой, Ванькой, да и ваш Панька, ушли на Серёжу рыбу ловить, – ответил ему Василий.

– Эх, я не знал, а то бы, и я пошёл! – с сожалением спохватился Сергунька.

– Ну, и что за беда: беги бегом! Ты их у леса догонишь. Они вот только, недавно ушли!

Сергунька настиг рыболовов у самой Серёжи, когда Павел Федотов, сняв с себя штаны, полез уже с саком в воду. Минька Савельев, взяв в руки ботало, стал выщучивать из-под берегов рыбу, стараясь загнать её в заставленный под берегом сак. Удача чередовалась с неудачей, в

сак изредка попадались ерши, гольцы и плотва. Крупная рыба, сака почему-то избегала. Санька Савельев, с берега заметя, в воде вяло плывущего налима, во всей одежде, бултыхнулся в воду. Взмутив воду, стал прощупывать под берегом руками и вскоре выбросил на берег того налима, который притаённо спрятался под крутым обрывистым бережком.

Рыболовов, охватил небывалый азарт, они с криками и смехом принялись гоняться, за щукой. Спугнутая со своего места, щука размером с поларшина, метнулась из поросли осоки, к правому берегу реки, где вода подмывая берег, образовала кручу. Тут в омуте вода текла тихо коловортно, гоняя по воронкам взбитую течением пену. Тут же под берегом, качаемые ветром, листовые ветви прибрежных верб, купались в мутной воде. Раскорячисто, бега по песчаной мели и брызгая водой, Панька с саком в руках бросился к правому берегу, с расчётом уловить скрывающуюся там щуку.

– Мы её сейчас сустигнём! – крикнул он, но не успев закончить своего азартного крика, как он ухнулся в омут, погрузившись в воду с головой. Над Павлом забулькали пузыри, смытая с его головы кепка поплыла по течению вдоль берега, а он вынырнув, отфыркиваясь от попавшей в рот воды, барахтавшись поплыл к мели, выпустив из рук сак.

Сак и кепку поймал Минька, побежавший по мели на перехват.

– Надо бы сперва, глубину измерить, а ты сдуру бросился так! Вот и поплыл! – укоризненно брату заметил Серёга.

– Я хотел вброд пройти, а хватъ получилось вплавь! – наивно смеясь, оправдывался Панька.

Потом несколько раз саком бродили в большой заводи. Попадались налимы, плотва и выюны.

– Пошли в Дерябник! Там в ямах, этой рыбы кишмя кишит! – высказал своё предложение Мишка Крестьянинов, предвкушая улов накопившейся в ямах рыбы.

– Зато, там и комаров, тоже кишмя кишат. Мы в позапрошлом году там ловили, так нас комары зачкалили! Чуть не съели! – возразил Мишке Павел.

– А, по-моему, больше удачи не будет. Видите, ветерок стал потягивать, рыба вся ушла в глубь! – высказал своё мнение Санька

– Эх, я и забыл, что сегодня «Семик». Кончай ребята, Панька, надевайте портки, бежимте в село! – всех надразумил Минька Савельев.

Разделив улов, выделив при этом (по обычаю) самую большую рыбину за сак Федотовым, ребята поспешили в село, а там полным ходом девки готовятся к весеннему, традиционному празднику Семику.

По условленности с подругами, Анка Крестьянинова, должна нарядится кавалером, для этой цели она раздобыла у Савельевых Минкины брюки-клёш, у кого-то выпросила, парнячью красную шерстяную рубаху и шляпу. Переодеваясь из сарафана в брюки и ухорашиваясь, перед зеркалом, Анка распустив волосы стала наливать себе кудри, вводя, всеми этими процедурами, в возмущение отца и стариков.

– И не стыдно тебе, подол-то подняла выше пупка и напяливать на себя парнячьи портки! – стыдя Анку, обрушился на её отец.

– Нет, не стыдно. У меня ничего непристойного не видно! – стараясь, отговорится, отчеканила Анка.

– Что космы-то распустила, как русалка!? – с недовольством нахмурившись, возмущенно пробурчал дедушка, поддерживая Федора в обличениях Анки.

– Девка, совсем извертелась, может и до беды довести себя! – высказалась и бабушка Дуня.

– А ты, погляди-ка, бесстыдница, как у тебя зад-то выпятился и перед-то выщелкнулся. Вот так-то вы, парней-то и раззадориваете! Вот взять крапивы, да и напороть тебе жопу то! – полыхнул последним козырем в Анку дедушка.

Эти дедушкины слова в конец обескуражили Анку, она вся вспыхнув жаром, лицо покраснело как рак в кипятке, она не выдержав укоров, выбежала на улицу и направилась в дом подруги Ольги, где её уже поджидала артель девок.

– Ну, девоньки! Мне сейчас и попало! За брюки и за кудри! Тятка с деденькой всю меня запозорили!

Семик, это русский традиционный праздник, в четверг на Троицкой неделе. В этот день, взрослые девки, хлопотливо готовятся к забавному веселью, которое обычно, проводится под вечер этого дня. Некоторые девки, вырядившись в мужские брюки, разноцветные мужские рубахи и надев на головы шляпу, представляя собой «кавалеров», с зонтами в руках, в сопровождении «барышень», своих же подруг, артелями с надлежащим степенством и с песнями шествуют по улицам вокруг села: время от времени, артели останавливаются, поют песни. Для пущей важности, кавалеры угощают своих барышень, «вином», – наливая из бутылки, подавая каждой рюмку с водой.

Идущих с Семиком, сопровождают, артели девчонок и парнишек, которые заинтересованно наблюдают за происходящим. Бабы, у которых есть парни-женихи, с особым увлечением заглядываются на девок, идущих с Семиком, они заодно подсматривают тут невест для своих сыновей.

В ожидании Семика, небольшая артелька баб, расположилась на лужайке под тенью развесистой ветлы, они блаженно отдыхая увлекались взаимным исканием в головах, вооружившись гребешком. Завидя показавшуюся из-за поворота улицы артель девок, с Семиком, бабы деловито повскакали с мест, – приготовились к занятому зрелищу. Это приближалась Анкина артель, в которой кавалером, кроме Анки, была наряжена Ольга. Пока обходили вокруг села и распевали традиционное «вино», у Ольги в животе скопилось столько жидкости, что она напирала книзу и вынуждала Ольгу, к тому, чтобы она оставив подруг, сбегала куда-нибудь за мозаику опростаться. От нетерпенья, Ольга свивала ноги верёвкой, терпела, а потом не выдержав, поспешно побежала и скрылась в промежках между мозаикой и погребушкой у окна Федотовых. Парни-женихи, выйдя из-за своих токарных станков, спешили из токарен на улицу – любовались поднаряженными своими невестами, приглядываясь которая из них всех лучше.

На второй день, парни-женихи: Минька Савельев, Павел Федотов, Мишка Крестьяников, Колька Суриков и Санька Аникин, решили съездить в Арзамас, чтоб сфотографироваться на память. Мишка Крестьяников, охорашиваясь у зеркала, по-дьявольски, корёжил, свою рожу, подыскивая подходящее выражение лица, чтоб запечатлеть его на фотокарточке. Отец, заметив это, не вытерпел, чтобы укоризненно не заметить Мишке: «Перестать коробиться-то перед зеркалом-то, или красивым хочешь быть... Девки-то и такого полюбят – свой курносый нос всё равно не выправить, так чекушкой и останется. Так что не коробь харю-то и рожу свою не делай как у чёрта какого-то» – унижающе, урезонивал отец Мишку, а он, сконфузившись от таких слов, неохотно отошёл от зеркала. В душе, кляня отца. «Ты бы, лучше, навоз из слива в огород повыкидал!» – стараясь загрузить Мишку работой с деловым назиданием, добавил отец.

– В лепёшку расшибусь, а твоё задание выполняю! Только денег дай на поездку в город. – закатило улыбаясь отшутился Мишка.

– Чай у тебя, деньги-то свои есть. Ведь собину-то, в прошлое воскресенье, сделал! – охладил Мишкин пыл отец, напомнив ему о том, что две пары каталок, Мишка сделал для себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.